

Людмила Константиновна НефедоваОмский государственный педагогический университет, доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru**Гносеология и герменевтика онтологического вопрошания
в метафоре «трава» У. Уитмена**

Аннотация. В статье осуществлена рефлексия гносеологического и герменевтического статуса метафоры «трава» (grass), представленной в «Листьях травы» У. Уитмена; прояснен когнитивный механизм метафорообразования, имеющий место во всех формах познания, прежде всего в художественном и философском познании. Метафора является способом объяснения нового знания, поворотом от известного знания к вновь открытому. В этом смысле метафоры У. Уитмена, получившие название «перечней», чрезвычайно репрезентативны, выявляют то, что есть в мире, и то, что представляет собой мир как целостность многого. В работе представлены интерпретация метафоры онтологического вопрошания «A child said What is the grass?» и расходящийся пучок ответов-смыслов, сходящийся к идее витальности универсума.

Ключевые слова: номинация, метафора, троп (tropos), гносеология, герменевтика, поэзия У. Уитмена, художественное познание, прагматика, трансцендентализм, познание, понимание, универсум.

Lyudmila K. NefedovaOmsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru**Epistemology and Hermeneutics of Ontological Inquiry
in the Metaphor of “Grass” by W. Whitman**

Abstract. The article reflects on the epistemological and hermeneutic status of the metaphor “grass” presented in “Leaves of Grass” by W. Whitman, clarifies the cognitive mechanism of metaphor formation, which occurs in all forms of cognition, primarily in artistic and philosophical cognition. A metaphor is a way of explaining new knowledge, a turn from known knowledge to newly discovered knowledge. In this sense, W. Whitman’s metaphors, called “lists”, are extremely representative, revealing what is in the world and what the world represents as a whole of many things. The paper presents an interpretation of the metaphor of the ontological inquiry “A child said What is the grass?” and a divergent bundle of answers-meanings converging to the idea of the vitality of the universe.

Keywords: nomination, metaphor, trope (tropos), epistemology, hermeneutics, W. Whitman’s poetry, artistic cognition, pragmatics, transcendentalism, cognition, understanding, universe.

Введение (Introduction)

Актуальность осмысления метафоры как когнитивного инструмента гносеологии и философской герменевтики имеет значение не только с позиций теории указанных направлений философского знания, но и с позиций интеллектуальных практик раскрытия смыслов картины мира, их понимания, интерпретации и выстраивания коммуникации субъекта с миром.

«Метафора — необходимое орудие мышления, форма научной мысли» [1, с. 68], «метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2, с. 724].

Процесс метафоризации лежит в основе развития языка познания мира в религии, философии, науке, искусстве, определяя специфику языка описания соответствующих картин мира в этих формах познания. Каждая из форм познания имеет в своих истоках мифологический нарратив — экспликацию события, которая затем имплицитно встраивается в метафору. Суть метафоры (троп) состоит в переносе значений, что с позиций познания можно назвать поворотом в поиске смыслов. В религии мифологический нарратив делает поворот в сторону поучения; в философии, рождающейся на фоне мифа, выражает удивление тому, «что, должно казалось

бы быть ничто, а есть нечто» [3, с. 23]. Мифологический нарратив имплицитно превращается в понятие, что позволяет от нарратива выйти на более высокий уровень абстракции — к дискурсиву. В языке философии и науки, казалось бы, миф элиминируется, дискурсивно-дескриптивная фиксация нового знания требует большей словесной определенности, прямых смыслов, что оставляет метафору преимущественно в сфере художественно-лингвистических и лингвокогнитивных исследований [4, с. 175].

Однако в философии и науке «используются номинативный и эмоционально-экспрессивный потенциал метафоры, возрастает значимость ее объяснительной функции, а также функции просветительской» [5, с. 68], так как метафора представляет собой не только яркую словесную оболочку, но «удовлетворяет потребность человеческого ума в осознании целостности мира, утверждении единства макрокосмоса и микрокосмоса» [5, с. 68]. Роль метафоры в ее философской функции раскрытия целостности мира представлена в «Листьях травы» У. Уитмена.

Методы (Methods)

Исследование метафоры «трава» У. Уитмена в настоящей работе опирается на историко-философское осмысление гносеологического статуса метафоры во взаимодействии онтологического, гносеологического, герменевтического подходов; на теорию метафоры в работах А. Ричардса, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Н. Веселовского, В. И. Ереминой; на практики анализа поэтического текста и приемы сравнительного языкознания в раскрытии лексических смыслов оригинального текста Уитмена и подстрочного перевода.

Литературный обзор (Literature Review)

Осмысление метафоры со времен Аристотеля [2, с. 724–733] опирается, прежде всего, на художественное познание. В художественном познании метафора играет ведущую роль на всех уровнях художественного процесса в целом, а также на всех структурно-семантических уровнях художественного произведения от композиции, моделировки образов до метафорической детализации в изображении предметно-вещного мира, с выходом к метафорической целостности идейного смысла произведения, к особенностям языка описания мира [4]. Также осуществлялось исследование внутренней структуры языковой формы метафоры и ее связи с мифом [5]. В отечественной филологии метафора исследовалась, прежде всего, на материале русской народной и авторской лирики, с обращением к западному рационалистическому учению о метафоре в работах Вундта, считавшего метафору «актом сознательного разумного мышления» [6, с. 4].

Теоретические исследования метафоры в отечественном гуманитарном знании и осмысление метафоры в западном дискурсе складывались в определенную систему. Одной из задач систематизации было раскрытие родства метафоры с поэтическим дискурсом через указание на такие ее особенности: «1) слияние в ней образа и смысла, 2) контраст с тривиальной таксономией объектов, 3) категориальный сдвиг, 4) актуализация случайных связей, 5) несводимость к буквальной перифразе, 6) синтетичность, диффузность

значения, 7) допущение разных интерпретаций, 8) отсутствие или необязательность мотивации, 9) апелляция к воображению, а не знанию, 10) выбор кратчайшего пути к сущности объекта» [7, с. 20].

Новый виток в осмыслении метафоры появился с обращением когнитивной лингвистики [4, с. 170] к роли метафоры в философском и научном текстах [5].

Включаем в литературный обзор ряд общеизвестных философских метафор, которые служат подтверждением перечисленным выше 10 особенностям метафоры, определяющим ее принадлежность поэтическому дискурсу. Так, огнелогос Гераклита — метафора архе, в пространстве которого сочетаются метафизичный логос и физический огонь. Пещера Платона — поворот от изображения действительного пространства к пространству истины. Шаловливый Эрот — метафора заблуждений и любви, разлитой в природе. Звездное небо И. Канта — метафора, причудливо соединившая поворот к ньютоновскому пониманию пространства как вместилца всех вещей с априорными формами пространства и времени, присущими рассудку человека. Зерно у Г. В. Ф. Гегеля — метафора диалектического метода, символ континуальности, изменчивости, количества и качества, снятия. Ребенок — метафора начала человека и вечности [8, с. 176] в диапазоне от житейски-повседневных до метафизических смыслов, представленных в философской антропологии. Обращение к истории вопроса подводит к изложению нашей исследовательской позиции как результата интерпретации и наблюдений особенностей метафоры У. Уитмена.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Итак, метафора принадлежит не только поэтическому дискурсу, но и философии. Мало того, полагаем, что в основе названия любого вновь открытого научного феномена есть место метафоре: она называет вновь открытый или созданный объект, является способом объяснения нового знания о нем, мостиком от известного к только что изобретенному или открытому. Это определяется сутью номинативной функции языка — называнием предметов, явлений, действий, процессов, состояний, а также связей и отношений между ними. Номинация — это *поворот* в процессах ментальных и физических действий и состояний субъекта в его отношении к объекту от чувственного восприятия объекта и его со-бытийного проживания к его обозначению в языке, к его знаку и, соответственно, к знаковому бытию объекта. В истоках рождения языка этот поворот можно усмотреть в звукоподражании, что говорит об изначальном стремлении языковой конвенции к природным основаниям символических систем человеческого познания. Однако углубление в проблему звукоподражания, в его природные основания — дело исторической, психологической лингвистики и семиотики, нас же интересует непосредственно *поворот* к пониманию от восприятия и проживания субъектом наличного бытия объекта, с опорой на его звуко-графическое означивание. Аристотель называет этот поворот тропом (*tropos*) — метафорой [2, с. 724].

Итак, номинативная фиксация явлений наличного бытия в языке строится на повороте от чувственного познания

объекта действительности к его обозначению звуко-графическим комплексом. Это базовая основа метафорического механизма, который имеет место во всех разновидностях лингвистических культурных текстов. Однако поворот осуществляется не сам по себе, а на основе интенции онтологического вопрошания субъекта. Поэтическая репрезентация такого вопрошания представлена в поэме «Листья травы» У. Уитмена, американского поэта середины XIX в., чье эпатирующее современников новаторство и до настоящего времени не рутинизировалось, несмотря на научное изучение [9], а также на явное и имплицитное его освоение как в новаторских поэтических практиках, так и в прямом эпигонстве. Пребывая в рамках темы репрезентации онтологического вопрошания в поэтическом творчестве, отметим, что индивидуальный художественный метод У. Уитмена — не стиль, а именно метод художественного познания и миропонимания — представляет симбиоз прагматики и трансцендентализма, свойственных мирозерцанию американских интеллектуалов — писателей и философов второй половины XIX в. В этом методе просвечивает открытие европейскими переселенцами-интеллектуалами архаических истоков минувших цивилизаций в процессах созерцания флоры и фауны дикого запада, а также столкновения с реальностью архаических родоплеменных культов, шаманизма, пережитками тотемизма, с культурой быта с вигвамом, пирогой, маисом, мокасинами, ирокезами. В Новом свете столкнулись европейская логика, преодолевшая предпонятие огнелогоса, прожившая века монотеистического мировидения, гордое понимание себя как образа и подобия Бога, сыновства Ему с пралогизмом, партиципацией, с верованиями в сыновство животным, звездам, стихиям, растениям. Всё это, с одной стороны, вызывало чувство цивилизационного превосходства, ведущего к геноциду коренного населения, с другой стороны, в европейском сознании переселенцев пробуждались полужабытые в своей культуре и обнаруженные в Новом свете архаические смыслы. Они вмещались в цивилизационный код европейского переселенца, формируя новые импринты практической необходимости выживания и цивилизационного обустройства в диких условиях. Переселенец заново увидел мир, заново называл всё, что в нем есть, заново увидел связи между вещами и процессами. У американца формировался новый, непривычный для европейца взгляд на мир, обнаруживающий новые смыслы в понимании природы, человека, культуры, социума. Происходило обновление онтологического статуса познания, прежде всего — художественного. Примером этого является метафора У. Уитмена.

Высказывание Уитмена «Ребенок спросил...» (*A child said What is the grass?*) выглядит предложением с однозначным прямым смыслом. Здесь нет ни скрытого, ни явного сравнения или переноса признаков одного предмета на другой. Нет дополнительных смыслов, требующих усложнения когнитивного механизма расшифровки высказывания [7, с. 20, 23]. Допускается только один смысл, однозначность прямого действия субъекта с объектом — ребенок спросил: «Что такое трава?» Однако сложившееся понимание метафоры (*tropos* — *поворот*) указывает на усложнение когнитивного механизма высказывания в *повороте* к развертыванию

дополнительных смыслов. Так метафора ли перед нами? То есть содержит ли данный вопрос не только прямой смысл, но и дополнительный смысл, а следовательно, и дополнительный когнитивный механизм раскрытия смысла. Казалось бы, прямой смысл вопроса *What is the grass?* настолько бесспорно прям, что самые неожиданные ответы на этот вопрос, будучи явными метафорами — поворотами размышлений, требующих виртуозной тонкой настройки когнитивного механизма понимания, представляются трансляцией вполне прямых смыслов. Например, трава — это платочек от Бога (*handkerchief of the Lord*), младенец растительности (*babe of the vegetation*), иероглиф (*hieroglyphic*).

Перед нами вполне прямой библейский и наивно детский вопрос о названии реальных мира. Называть то, что *есть*, было божественным предназначением человека. Назвать — значит освоить, присвоить, познать, узнать, и названное раскрывало свои смыслы тому, кто дал ему имя. В назывании вещь является тому, кто ее называет, открывая часть возможных смыслов. При этом названию всегда предшествует вопрос: *что это?* Это вопрос о сущности вещи, и, прямо заданный, этот вопрос вызывает каскад метафорических ответов. Здесь возникает завязь гносеологического дискурса в целом и механизма метафорообразования в частности, а в нашей статье подводит нас к результатам анализа эмпирического материала.

Будучи переносом прямого значения известного на вновь определяемый объект, *поворотом* в раскрытии смыслов, метафора, прежде всего, указывает на пространственно-временной континуум, как действительный, так и моделируемый тем или иным видом познания в его целостности и детализации, а также на внутренний пространственно-временной континуум познающего сознания, т. е. на сознательный перенос значения и на актуализацию умственной стороны, абстрактного мышления в процессе метафорообразования.

Выделим в механизме метафорообразования три ступени.

Во-первых, Уитмен уловил имплицитную интенцию начала поиска смысла уже названного, казалось бы явленного ясного объекта познания: *What is ...*

Во-вторых, перебираются варианты возможных ответов, фиксируется сложность и неоднозначность ответа на прямой вопрос — это завязь поиска смысла.

В-третьих, прямой вопрос, ответ на который оказывается отнюдь не однозначным, является точкой ментального поворота к параллелям смыслов (заметим, что это известное в математике понимание параллелей не только по Эвклиду, но и по Лобачевскому и Риману). Здесь трава (*grass*) раскрывает пучок смыслов через ряд метафор.

Рассмотрим, какие смыслы раскрываются на 3-й ступени когнитивного механизма.

Трава — это *flag of my disposition, out of hopeful green stuff woven*; «флаг моего расположения, сотканный из облагораживающей зеленой материи» (флаг, диспозиция — военный словарь Америки периода гражданской войны) (здесь и далее перевод наш. — Л. Н.).

Трава — это *babe of the vegetation*; «младенец растительности», предметно-вещный компонент окружающей природы, одним из первых попадающий в поле зрения

ребенка. Здесь символический смысл травы выявлен через прямое сходство ее с ребенком.

Трава — это *a uniform hieroglyphic; Growing among black folks as among white*; «единый иероглиф, произрастающий среди черных и белых». Здесь трава уже не в горстях ребенка, но иероглифический текст в книге природы, единый для людей с разным цветом кожи.

Метафоры травы раскрывают смыслы ее вездесущности, единства для всех людей, тайны всеобщего родового начала человеческой природы. При этом метафора может быть заменена буквальной речью, но не является буквальной речью, напротив, сравнение травы с нестриженными волосами могил раскрывает единство жизни, смерти и вечности, которые развернуты в пространственно-временном континууме метафоры *it seems to me the beautiful uncut hair of graves*; «трава — это прекрасные нестриженные волосы могил». Когнитивный поворот (*tropos*) превращается в этой метафоре в разворот космического антропосоциокультурогенеза, философско-антропологический смысл которого в преодолении смерти.

Приведенный текст наглядно раскрывает не только механизм метафорообразования, представляющий собой когнитивные повороты (*tropos*) в поиске смыслов, через подбор возможных вариантов осмысления, но и суть самой метафоры как онтологического вопрошания. Так, действительно, некоторые виды травы часто напоминают волосы. Отсюда развитие смысла этого тропа в метафоре «волосы могил», а далее этот бессмертный поворот обретает космический смысл, утверждающий вечную жизнь.

Итак, в метафоре осуществляется поворот от прямого значения слова к переносному. Однако, как видим, метафоры Уитмена представляют собой слова в их прямом значении, семантически организующие развернутые смысловые текстовые конструкции. Они не служат украшением, не содержат парадокса, не выявляют нонсенса, нюансов понимания автором амбивалентности предмета высказывания, а также, несмотря на приведенные в объяснении травы варианты ответов ребенку, не являются поворотом к осознанию возможных точек зрения на высказывание смысла предмета. Здесь налицо весьма существенное отличие от механизма метафоризации в родственной английской литературе с ее утонченными играми в парадоксы, интеллектуальный нонсенс, со скрытыми и явными культурными диалогами с предшественниками и современниками [10, с. 19], указывающими на распадающуюся множественность, невозможность единого и цельного. Уитмен однозначно видит целостность мира. Отсюда однозначные прямые смыслы самого вопрошания, объекта вопрошания и вопрошающего (ребенка), а также того, кто отвечает, — всё это не требует проверки условий и маркеров их истинности. Истина — это *ребенок и трава* — вопрошающий и объект вопрошания. Возникает особый когнитивный механизм: отвечая на вопрос ребенка (*What is the grass?*), поэт дает перечень смыслов, превращаемых в единое мегасмысловое целое благодаря однозначности прямых смыслов слов-понятий «ребенок» (*child*) и «трава» (*grass*), представляющих точку сборки пучка смыслов. Здесь, собственно, и раскрывается онтогносеологический смысл категории тропа и его функция

как поворота направленности к новому смыслу, требующему расшифровки. Метафоры Уитмена являются шифрами раскрывающейся ему Вселенной.

Таким образом, метафора «ребенок и трава» является инструментом познания и понимания мира, выполняет гносеологическую и герменевтическую функции. Это условно можно считать символическо-категориальным статусом метафоры. Подчеркнем универсальность гносеологического статуса метафоры в познании, еще раз обратившись к прямому значению слова, рассмотрев специфику вопрошания *A child said What is the grass? fetching it to me with full hands* («Ребенок спросил: “Что такое трава?” — принося ее мне полными руками») в переводе вопрошания на некоторые европейские языки:

Un enfant dit: « Qu'est-ce que l'herbe ? » en me la rapportant à pleines mains (французский).

Dete reče Šta je trava? donosi mi ga punim rukama (сербский).

Dieťa povedalo Čo je to tráva? prines mi to plnými rukami (словацкий).

Ein Kind sagte: „Was ist das Gras?“ und brachte es mir mit vollen Händen (немецкий).

Dítě řeklo Co je to tráva? přines mi to plným rukama (чешский).

Для всех приведенных вопросов характерна общая грамматическая организация порядка слов, фиксирующая онтогносеологическое вопрошание как истоковую форму начала познания того, что есть [3]. Логическая матрица познания: субъект — предикат — объект вопрошания.

Однако когнитивный механизм метафоры как поворота включает не только вопрос как инструмент познания, но и ответ на него — инструмент философской герменевтики — интерпретацию, механизм понимания. Метафорические повороты фиксируют и утверждают понимание смысла. И здесь вновь возможна речь о смыслах мира, открывшихся Уитмену и зафиксированных в его перечнях реальных, расшифровывающих тайны прямого значения слова. Так, трава — флаг, указывающий на диспозицию; надутый платочек от Бога; младенец зелени; иероглиф; нестриженные волосы могил. Неиссякаемый перечень витальных реальных, казалось бы, упирается в танатальный предел: *And now it seems to me the beautiful uncut hair of graves* («А сейчас это кажется мне прекрасными нестриженными волосами могил»). И возникает новый перечень тех, кто умер и из кого растет трава: старики и старухи, матери и младенцы, юноши и девушки. И этот перечень прямых смыслов делает вновь поворот (*tropos*) к единому основанию: трава — материнское лоно (*mothers' laps*), она множество говорящих языков (*many uttering tongues*), и она, хотя и невнятно, говорит о жизни.

Рассмотрев когнитивный механизм метафоры как поворота от прямого смысла, закреплённого в истоковой номинации объекта познания, к раскрытию перечней возможных смыслов, важно отметить, что поворот к новым смыслам строится не на вариантах мыслительной операции скрытого или явного сравнения уже имеющего название объекта с объектом, который необходимо назвать, но именно на возможной бесконечности перечней того, чем является искомым смысл определяемого объекта, перечней того, что

родственно друг другу, составляя бытийную совокупность всего, что имеет место. Бесконечная возможность перечней смыслов выводит ребенка (*child*) и траву (*grass*) на космический уровень антропосоциокультурогенеза. Иными словами, Уитмен объективирует в поэзии универсальную целостность человеческого познания.

Размышление о гносеологической и герменевтической функциях метафоры У. Уитмена приводит нас к осмыслению в тексте функции модальных глаголов и глаголов ментального действия: отвечать (*could I answer*), знать (*I do not know what*), догадываться (*I guess*), переводить (*I wish I could translate*). Ментальные действия сопряжены с модальностью — отношением высказывания к действительности: «мочь», «кажется», «значит». Передается состояние поиска смыслов травы, любви говорящего к траве и, наконец, невнятное говорение самой травы: *O, I perceive after all so many uttering tongues, / And I perceive they do not come from the roofs of mouths* («О, я все-таки слышу столько говорящих языков, / И я слышу, что они исходят не из уст чужих»).

Особо следует сказать о смыслах метафорического перечня, который вызывал ретивую критику современников. От метафоры *babe of the vegetation* («младенец растительности») — символа начала жизни, поэт ведет читателя к евангелической вести, иерофании, знаку от трансцендентного начала — *the handkerchief of the Lord* («платочек от Бога»). Появление в перечне *hieroglyphic* (иероглифа) — не просто визуальное неожиданное символического знака в картине мира американца, но скорее намекающего на культурный контекст европейских импрессионистов, увлеченных японской графикой. Однако иероглиф — расширение герменевтического круга, символическая загадка для человека западной культуры и приятие отгадки своей культурой. Иероглиф и ребенок — символы начала бытия и познания: мир как то, что есть, и субъект вопрошания как тот, кто заброшен в этот мир и удивлен тем, что в нем что-то есть.

Вопрос о том, что есть трава, и цепочки образов травы приводят к образу могил — визуализации зазора между Бытием и Ничто. Иероглиф (*hieroglyphic*) указывает на тайну этого зазора.

Перечни предметно-вещных реалий во вместилище мироздания, множество предметов, явлений, действий, признаков, состояний, единых в бытийном потоке, пребывающих во взаимодействии, — это картина мира, в которой ребенок и трава просто оказались на миг рядом в круговерти космоса.

Перечни — словно спецификации имущества на складе рачительного торговца, учитывающего весь товар, инвентарь, оборудование, — всё имеет цену: и множество человеческих рас, и социальные статусы, и природные явления, и запахи, и физические и душевные состояния, — всё это пребывает в пространстве и времени, в движении рождения и умирания, в новых и новых рождениях и умираниях, но жизнь преобладает — *All goes onward and outward, nothing collapses* («Всё идет вперед, ничто не погибает»), и потому *to die is different from what any one supposed, and luckier* («умереть — это вовсе не то, что ты думал, а счастливее»).

Заключение (Conclusion)

Итак, метафоры У. Уитмена, получившие название «перечней», чрезвычайно репрезентативны, будучи, казалось бы, спонтанным перечислением всего, что в конкретный миг открывается субъекту познания чувственно и обрабатывается рационально через понятие, суждение и умозаключение.

Перечни реалий, столь раздражавшие современников американского поэта и критиков, соперничающих подчас в метафорических изысках и утонченностях с Европой, раскрывают познавательные возможности метафоры как тропа — когнитивного поворота. Перечни позволяют пристально всмотреться в ранее известное особенное, увидеть это особенное как часть единого необозримого универсума. Если европейская метафора актуализировала деталь, часть, углубляясь в освоенные локусы, нюансы состояний природы и человека, в оттенки его движений, ощущений, перцепций, представлений, то американская метафора Уитмена охватывала целое — единое и неделимое бытие. Английская метафора искала скрепы чувственного и рационального, опираясь на Беркли [11]. Обращение Европы к новой художественно-онтологической оптике было аккуратным, умеренным. Примерно так двигалось и большинство американских романтиков и трансценденталистов. Г. Мелвилл показал в «Моби Дике» схватку с океаническим Левиафаном — белым китом, расширив представление о морской цивилизации до океанической. Ф. Купер в романтической ориенталистике открыл ширь великих озер, подчеркнув местечковость лейкистов, уже высмеянных Байроном в «Дон Жуане» в первой трети XIX в. Э. Дикинсон открыла элементы трансцендирования в житейской обыденности женского существования. Визуальные изменения, океан, новая география Великих озер, прерий, каньонов, водопадов, воды великих свободных рек — это всё оказалось цивилизационным поворотом, зафиксированным на скрижалях Вселенной, движением к мириадам новых миров, к новому пониманию жизни и смерти. При этом импринты Европы сохранились в языке Америки, в духе предпринимательства, в завозе черных рабов и в отношении к ним как к инструментам, — в целом основы культурных и социальных практик были европейскими. Но имело место и мощное, не всегда осознанное цивилизационное и культурное обновление, проявившееся в антропологическом коде. Американец иной, нежели европеец. С семьей или без семьи американец уже ребенком отличался от европейца, пример чему — образы детей в американской литературе: герои М. Твена Том Сойер и Гекльберри Финн; поджигатель и осквернитель праха У. Фолкнера. С семьей или без семьи ребенок в американской литературе прорвал замкнутый круг мизераблизма [12, с. 177]. Пересмотру оказались подвержены не только идеи социально-возрастной дифференциации человека, но и человеческое познание — ментальная деятельность, соразмерная движению универсума. Рождалась иная, нежели европейская, модальность, отличающаяся иным уровнем витальности — верой в то, что *all goes onward and outward, nothing collapses* («всё идет вперед, ничто не разрушается»). Подчеркнем смысловую наполненность глагола *collapse* — обваливаться, рушиться, обессилеть, пасть духом, потерпеть крах. Ничего подобного не может произойти с миром,

который вмещает всё, что есть, картина которого представлена в перечнях Уитмена. Есть смерть, но и она преодолевается верой в то, что *to die is different from what any one supposed, and luckier* («умереть означает иное от того, что кто-либо предполагал, и счастливее»).

Философская метафора Уитмена фиксирует экспансию познания и экспликацию понимания бытия в его единстве и целостности, где в полной мере проявляется символическо-категориальный статус и когнитивный механизм метафоры как поворота к открытию смыслов.

-
1. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры : сб. М. : Прогресс, 1990. С. 68–81.
 2. Аристотель. Поэтика // Древнегреческая философия. От Платона до Аристотеля. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 700–736.
 3. Мамардашвили М. К. Появление философии на фоне мифа // Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. С. 11–25.
 4. Балашова Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестн. Ом. ун-та. 2015. № 2. С. 169–177.
 5. Акишина Е. О. Роль метафоры в формировании языка науки и философии Нового времени // Вестн. Сиб. гос. ун-та путей сообщения. 2015. № 4. С. 62–68.
 6. Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 183 с.
 7. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
 8. Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М. : Наука, 1989. С. 176–256.
 9. Биджиева З. С.-М. Новаторство лирики У. Уитмена // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–2 (66). С. 10–13.
 10. Стрельцова Н. Д. Парадокс и нонсенс: типология и причины появления // Синергия : электрон. науч.-практ. журн. 2017. № 1. С. 18–27. URL: <https://vepi.ru/wp-content/uploads/2018/10/Sinergiya-2017.-1.pdf?ysclid=mgq7n7chfq597649497> (дата обращения: 15.06.2025).
 11. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // 100 лучших книг всех времен : [сайт]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Berkeley_Traktat_o_principah_chelovecheskogo_znaniya.pdf?ysclid=lbc3rda2jn117307891 (дата обращения: 15.06.2025).
 12. Нефедова Л. К. Философские аспекты художественной моделировки детства в произведениях американских писателей XIX–XX веков // Нефедова Л. К. Онтологическая семантика образов детства : моногр. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2005. С. 173–187.